УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ»?
(ОБРАЗ В.И. ЛЕНИНА И ЕГО
«МЕТАМОРФОЗЫ»
В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО)

© 2019 г. Н.Н. Примочкина
*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*
Дата поступления статьи: 27 января 2019 г.
Дата публикации: 25 сентября 2019 г.
DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-268-289

Статья написана при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00325a

Аннотация: В статье рассматриваются неоднократные попытки М. Горького в период с 1920 по 1930 г. воссоздать средствами слова живой образ вождя русской революции В.И. Ленина. В 1917–1918 гг. Ленин и его единомышленники подвергались со стороны писателя беспощадной критике. В 1920 г. Горький предпринял первую попытку создать литературный портрет вождя, но сделал это столь неудачно, что портрет был расценен большевистской правящей верхушкой и русской интеллигенцией как насмешка, словесная карикатура. Сразу после смерти Ленина, в начале 1924 г. Горький создал свой знаменитый очерк «Владимир Ленин», в котором впервые вождь революции был назван Человеком с большой буквы. Однако в 1930 г. Горькому под нажимом партийных властей пришлось значительно его переработать. Во второй редакции писатель, видимо, задался целью создать литературный памятник великому человеку, «вдохновителю и вождю пролетариев всех стран», последовательно избавляя эту бронзовеющую на глазах фигуру от наиболее противоречивых черт характера. Ленин в сознании писателя и в 1930-е гг. продолжал оставаться идеалом Человека с большой буквы, но сам этот идеал Горькому пришлось «подкорректировать» согласно требованиям времени и политической обстановки.

Ключевые слова: М. Горький, образ Ленина, метаморфозы, идеал Человека.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Примочкина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: nprim47@yandex.ru

Для цитирования: Примочкина Н.Н. «Человек с большой буквы»? (Образ В.И. Ленина и его «метаморфозы» в творчестве М. Горького) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 268–289. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-268-289

"MAN WITH A CAPITAL M"? LENIN'S IMAGE AND ITS METAMORPHOSES IN GORKY'S WORK

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019, N.N. Primochkina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 27, 2019

Date of publication: September 25, 2019

Acknowledgements: The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research RFFI, project no 19-012-00325a.

Abstract: The article discusses repeated attempts of Maxim Gorky to embody the image of the leader of the Russian revolution, Vladimir Ulyanov-Lenin in the verbal form, in the period from 1920 to 1930. In 1917–1918, Lenin and his allies were objects of severe criticism. In 1920, Gorky made the first attempt to represent Lenin but in fiction did it so abortively that Bolsheviks and Russian intelligentsia took it for a mockery or caricature. Right after the death of Lenin, at the beginning of 1924, Gorky wrote his famous essay "Vladimir Lenin" that for the first time, calls Lenin a man with a capital M. However, in 1930, Gorky had to considerably revise the essay under the pressure of the communist party authorities. In the second edition, the author seemingly intended to create a verbal monument to the great man, "inspirer and leader of the proletarians of all countries," liberating his turning-into-bronze image from controversial details. In the 1930s, Lenin remained the ideal Man with a capital "M" for Gorky, but Gorky had to "correct" this ideal by adjusting it to the requirements of the time and political situation.

Keywords: M. Gorky, Lenin's character, metamorphosis, ideal person.

Information about the author: Natalia N. Primochkina, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: nprim47@yandex.ru

For citation: Primochkina N.N. "Man with a Capital M"? Lenin's Image and Its Metamorphoses in Gorky's Work. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 268–289. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-268-289

Воспоминания Горького о В.И. Ленине — одно из самых знаменитых произведений писателя. Ни одна научная работа советского периода не могла, просто не имела права обойти этот мемуарный очерк своим вниманием. Но чаще всего историко-литературному анализу подвергался тот текст очерка, который был создан писателем в 1930 г. А он значительно отличался от первой редакции воспоминаний, написанных сразу после смерти вождя, в конце января 1924 г. Этот текст в советское время не перепечатывался, о его существовании знали только немногие специалисты да любители-книголюбы. Еще худшая участь постигла первый литературный портрет Ленина, который Горький попытался создать в статье 1920 г., приуроченной к юбилею вождя. Она вообще на долгие годы оказалась под запретом, поскольку ее в самых резких выражениях осудил сам юбиляр.

Именно теперь, когда только что (в 2018 г.) отгремели шумные торжества по поводу 150-летия со дня рождения Горького, и в преддверии будущих торжеств 2020 г. в связи со 150-летним юбилеем Ленина, нам кажется своевременным снова вернуться к набившей в советское время оскомину теме «Ленин и Горький», чтобы по-новому осветить их сложные отношения дружбы-вражды, которые нашли особенно яркое отражение в неоднократных попытках писателя воссоздать средствами слова живой образ вождя русской революции.

Горький еще в юношеские годы начал мучительные и неустанные поиски своего идеала настоящего человека, человека будущего, которого он назвал Человеком с большой буквы. Этими поисками пронизано все его художественное творчество, его публицистические статьи, рецензии, воззвания и отклики (см. об этом подробнее: [14]). Однако далеко не сразу писа-

телю удалось увидеть этот идеал воплощенным в реальной жизни, признать одну из земных «особей», да еще из числа своих современников, таковым идеалом.

В 1917–1918 гг. идеалом Человека с большой буквы были для Горького два «величайших символа» «справедливости и красоты», два мировых образа, два воплощения действенной любви к человечеству — Христос и Прометей [7, с. 157]. Ленин и его ближайшие единомышленники в это время представлялись писателю «слепыми фанатиками», «обезумевшими сектантами», «бессовестными авантюристами» и «бешеными догматиками», а их политика — «самодержавием дикарей» [7, с. 228, 229]. Слова «бешеный», «безумный», «обезумевший» — наиболее часто употребляемые Горьким в это время для оценки деятельности Ленина и его правительства Народных Комиссаров.

В статье «К демократии», напечатанной в газете «Новая жизнь» сразу после Октябрьского переворота, Горький дал такую характеристику пролетарского вождя и его ближайших сподвижников:

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. <...>

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное на строение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет? [7, с. 149].

Через три дня в статье «Вниманию рабочих» Горький дал уже некий набросок будущего художественного образа Ленина, причем, несмотря на свое полное неприятие политики большевиков, писатель вынужден был признать за личностью вождя качества сильного и талантливого человека. Здесь уже можно разглядеть отдельные психологические черты, которые будут затем повторяться и варьироваться Горьким в более поздних словесных портретах вождя:

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одной из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.

Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию [7, с. 151].

Выпады Горького не проходили мимо новой коммунистической власти. В главном большевистском органе печати — газете «Правда» — регулярно появлялись резко критические отповеди знаменитого писателя. В одной из них утверждалось, например, что «Горький больше уже не “буревестник” революции, а прямой изменник ее» [7, с. 280].

Горького, человека сверхчувствительного и крайне эмоционального, глубоко поразило покушение на жизнь Ленина, и он, несмотря на все политические и этические разногласия с большевиками, навестил осенью 1918 г. раненого вождя в больницу. С тех пор писатель начал постепенно включаться в культурную работу новой власти с робкой надеждой способствовать гуманизации одичавшего российского общества, очеловечению большевистской политики.

В апреле 1920 г. в советской России отмечалось 50 лет со дня рождения Ленина. Речь, которую Горький произнес на собрании Московского комитета РКП(б), посвященном этому юбилею, можно считать первой пробой пера в деле создания литературного портрета вождя русской революции. Впрочем, эта речь была, видимо, полной импровизацией и заняла всего пять–десять минут.

Сравнив вначале значение Ленина в истории России с ролью Петра Великого, Горький затем попытался рассказать о Ленине-человеке, в связи с чем вспомнил о двух личных встречах с ним в Лондоне (эпизод в гостинице,

куда Ленин пришел проверить, не сырой ли у Горького матрас) и на Капри (ловля Лениным рыбы «на палец», общение с местными рыбаками. Оба эпизода в расширенном виде вошли в позднюю редакцию очерка 1930 г.). Заканчивалось это «слово» о вожде призывом к присутствующим на заседании партийцам: «Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе» [10, т. 24, с. 205].

Уже в этом первоначальном наброске будущего литературного портрета проявилась двойственность, противоречивость в восприятии писателем фигуры Ленина; и эту противоречивость Горький не только не стремился сгладить, но всячески подчеркивал. С одной стороны, это интеллигентный, простой человек, с другой — пугающий своей мощью гениальный политик, способный управлять по собственной воле и прихоти не только Россией, но и всем миром. «Такой он простой, такой милый, такой душевный, обычный простой русский человек, как каждый из вас, — уверял писатель своих слушателей. — И вдруг мы видим такую фигуру, глядя на которую, уверяю вас, хотя я и не трусливого десятка, но мне становится жутко. Делается страшно от вида этого великого человека, который на нашей планете вертит рычагом истории так, как этого ему хочется. И этот переход от простого, милого, душевного, смеющегося великолепным смехом, к этой громадной фигуре, значение которой трудно объять, — прямо-таки чудесен» [10, т. 24, с. 205].

Несмотря на всю эскизность и невнятность этой первой попытки дать словесный портрет вождя, вероятно, именно она навела на мысль редакцию большевистского журнала «Коммунистический интернационал», вышедшего с 1 мая 1919 г., именно Горькому поручить написать юбилейную статью о вожде.

Эта передовая статья под заглавием «Владимир Ильич Ленин» была напечатана 20 июля 1920 г. в 12-м номере журнала. Вот как характеризует ее современная исследовательница творчества Горького Л.Н. Смирнова: «Шедевра не получилось, — статью затруднительно читать, невозможно передать ее содержание. Это поток сознания без четкого плана, без соблюдения хронологической последовательности событий, без четкой однозначной концепции. Горьковские оценки личности Ленина противоречивы и субъективны. Исторические экскурсы и оценки исторических деятелей не имеют отношения к основной теме» [5, с. 393].

Смирнова первая обратила внимание на то, что в этой статье писатель прибегнул к своему «излюбленному» художественному приему: «...прежде чем начать восхваления, Горький фиксирует внимание читателя на отрицательной черте или эпизоде из деятельности Ленина, либо приводит резкий отзыв о нем условного, враждебно настроенного персонажа» [5, с. 394–395]. Добавим к этому, что многие из тех отрицательных характеристик и оценок, которые Горький «передал» теперь «врагам» и «мещанам», прежде, в статьях 1917–1918 гг., принадлежали ему самому. Кроме того, приводя враждебные высказывания этих условных персонажей, Смирнова не отметила, как странно реагирует на них сам автор, как двусмысленно он их опровергает и разоблачает.

Если внимательно вчитаться в текст, авторская реакция покажется удивительной. Горький не только не опровергает эти отрицательные высказывания «врагов» и «мещан», напротив, он, по сути, присоединяется к ним, тем не менее находя каждый раз оправдание своему герою. Но оправдания эти звучат, как правило, слишком формально и совершенно неубедительно, а порой и просто смехотворно.

Например, Горький пишет об «объективно мыслящих людях», которые обвиняют Ленина «в том, что он является возбудителем жестокой гражданской войны, террора и других преступлений» [5, с. 375]. Писатель отнюдь не отрицает эти обвинения, но оправдывает их тем, что Ллойд Джордж, Клемансо и Вудро Вильсон, развязавшие мировую войну, являются не меньшими злодеями, чем Ленин.

Горький признает, что вождь большевизма совершил много политических ошибок, но объясняет их тем, что «ошибки Ленина — ошибки честного человека, и в мире еще не было ни одного реформатора, который действовал бы безошибочно» [5, с. 375].

Затем писатель приводит мнение «одного француза», который назвал русского вождя «гильотиной, которая мыслит». И автор отвечает ему, отнюдь не опровергая, а только уточняя его высказывание: «Работу его мысли я сравнил бы с ударами молота, который, обладая зрением, сокрушительно дробит именно то, что давно пора уничтожить» [5, с. 376].

Вслед за тем Горький обращается к мнению «мещан всего мира», которым Ленин кажется «Аттилой, пришедшим разрушить Рим мещанского благополучия и уюта». И снова автор не опровергает это мнение, а толь-

ко объясняет действия вождя тем, что «преступления современного мира оправдывают необходимость разрушения его» [5, с. 376].

А вот собственные горьковские характеристики и оценки вождя. Он не отрицает того факта, что деятельность Ленина носит террористический характер, но сомнительно оправдывает ее тем, что «террор стоит ему невыносимых, хотя и весьма искусно скрытых страданий» [5, с. 378].

Или, например, вызвавшее наибольшее возмущение как у коммунистов, так и у оппозиционно настроенной интеллигенции определение Ленина как современного «святого». Назвав вождя «святым», Горький тут же приводит мнение Черчилля, казалось бы, опровергающее эту авторскую характеристику. Оказывается, «святого» Ленина «Черчилль считает «самым свирепым и отвратительным человеком». И снова писатель не отрицает эту характеристику Ленина, данную его врагом, а лишь комментирует ее, утверждая, что «церковная святость» во все времена вполне уживалась со «свирепостью и жестокостью» [5, с. 376, 377].

Приступая к созданию хвалебного «акафиста», к восхвалению Ленина в юбилейной статье, Горький помнил свои резко негативные выступления против вождя в 1917–1918 гг. и чувствовал себя в связи с этим, вероятно, неловко, тем более что русская эмиграция во главе с И.А. Бунным постоянно упрекала его в непоследовательности и в приспособленчестве. Возможно, именно поэтому писатель решил здесь вновь повторить отдельные мысли из своих прежних статей. «Продолжаю думать, — как думал два года тому назад, — утверждал Горький в начале этого юбилейного очерка, — что для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных» и «обречена служить объектом опыта» [5, с. 374]. В финале Горький повторяет прежние мысли о «безумии» Ленина, но теперь он готов, по его собственному признанию, снова петь славу «священному безумству храбрых» и заканчивает свою статью весьма двусмысленно звучащей фразой: «Из них же Владимир Ильич — первый и самый безумный» [5, с. 379].

Статья Горького о Ленине была 27 июля 1920 г., через неделю после ее появления в журнале «Коммунистический Интернационал», перепечатана в газете «Петроградская правда», и с ней смогла познакомиться не только коммунистическая руководящая верхушка, но и широкие круги российской интеллигенции, а затем и русская эмиграция. И во всех этих самых разных и

зачастую враждебных друг другу слоях российской общественности выступление Горького вызвало резкое неприятие вплоть до скандала.

Бывший друг Горького, а ныне его непримиримый идейный противник И.А. Бунин первый иронически назвал эту статью «акафистом». «Горький, — писал он в одной из своих эмигрантских статей, — закатывает настолько бесстыдный акафист “святому” и даже превзошедшему всех святых в мире “Ильичу”, что краснеют все еще не околевшие с голоду советские ломовые лошади» [4, с. 109].

Вскоре и писатель А.В. Амфитеатров, который в 1920 г. проживал еще в Петрограде, вспомнил об этом периоде жизни. Через год, находясь уже в эмиграции, он писал:

В то время в Питере ходила по рукам моя статья «Ленин и Горький», написанная несколько раньше по поводу пресловутого гимна, воспетого Горьким главе коммунистической России, в котором Ленин был превознесен выше Петра Великого. <...> Даже коммунисты признавали сконфуженно, что Горький пересолил в усердии <...>

Дело в том, что статья Горького возмущает своим беспримерно льстивым тоном и безграничным гиперболизмом похвал только до тех пор, пока читатель уверен, что Горький славословит Ленина серьезно. Но попробуйте допустить, будто он пишет свой акафист с затаенною лукавою целью пародии, — и вы удивитесь, в какую смешную и нелепую гримасу мгновенно искажается тогда глубокомысленно важная физиономия этого курьезного произведения. «Гениальный», «честнейший», «добрейший», «святой» Ленин, в напыщенных хвалах Горького, неожиданно карикатурно оказывается таким круглым дураком, таким круглым невеждою, таким бессердечным лицемером и негодяем, что, право же, даже мы, его противники, гораздо лучшего о нем мнения [1, с. 3].

Эти воспоминания Амфитеатрова интересны во многих отношениях. Во-первых, они свидетельствуют о том, насколько негативно было воспринято выступление Горького не только в кругах оппозиционно настроенной российской интеллигенции, но и среди коммунистических руководителей, партийцев. Во-вторых, Амфитеатров, сам талантливый пародист, тонко уловил противоречивость, даже двусмысленность многих горьковских оценок вождя, действительно сообщавших им какой-то пародийный оттенок.

На самом деле, эти явно чрезмерные похвалы Ленину звучат порой слишком уж сомнительно, чуть ли не издевательски. Причем подтекст, скрытый смысл этих славословий и восхвалений дается Горьким как будто намеренно грубо и очень хорошо читается. Ленин, при всей его прямолинейности, был, видимо, достаточно умен, чтобы прочитать этот подтекст и по достоинству «оценить» все двусмысленности, которые Горький буквально рассыпал чуть не в каждой строке, в каждом пассаже своего «акафиста». Через три дня после его появления в «Петроградской правде», 31 июля 1920 г. Ленин обратился в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой принять специальное постановление о статьях Горького в журнале «Коммунистический Интернационал» и сам набросал его текст:

Предлагаю *сбором подписей* в Политбюро:

Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» *статей* Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *антикоммунистического*.

Впредь никоим образом *подобных* статей в «Коммунистическом Интернационале» не помещать.

Ленин [II, т. 54, с. 429].

В тот же день Политбюро ЦК РКП(б) приняло соответствующее запретительное постановление, повторявшее почти дословно записку Ленина. С тех пор произведения Горького в журнале «Коммунистический Интернационал» не выходили. О скандальной юбилейной статье Горького, посвященной вождю революции, в советское время постарались забыть. Не вошла она и в 30-томное собрание сочинений писателя, и была републикована лишь совсем недавно, в малотиражном научном сборнике, посвященном горьковской публицистике [5, с. 374–379].

Вероятно, до Горького дошло резко отрицательное мнение Ленина о его юбилейной статье. Отношения писателя с коммунистическим вождем и всей партийной верхушкой с течением времени все более портились. В конце концов он был вынужден осенью 1921 г. уехать из России на долгие годы в Европу. Из-за границы Горький написал всего одно, довольно резкое и критическое письмо вождю, после чего их переписка больше не возобновлялась.

Н.Н. Берберова в книге «Курсив мой» писала о тяжелом душевном состоянии писателя в первые годы его жизни за рубежом: «Он приехал в Европу <...> сердитый на многое, в том числе и на Ленина. И не только сердитый на то, что творилось в России в 1918–1921 годах, но и тяжело разрушенный виденным и пережитым» [2, с. 226]. О своих сложных отношениях с вождем Горький откровенно написал за несколько дней до его смерти Р. Роллану: «В начале 18-го года я понял, что никакая иная власть в России невозможна и что Ленин — единственный человек, способный остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат. Однако это не значит, что я вполне солидаризировался с Лениным; в течение четырех лет я спорил с ним, указывая, что его борьба против русского анархизма принимает, приняла характер борьбы против культуры. Указывал, что истребляя русскую интеллигенцию, он лишает русский народ мозга. И, несмотря на то, что я люблю этого человека, а он меня, кажется, тоже любил, моментами наши столкновения будили взаимную ненависть» [8, т. 14, с. 287].

Получив известие о смерти Ленина, последовавшей 21 января 1924 г., Горький сразу принялся писать свои воспоминания о вожде, стремясь воссоздать живой, многогранный и противоречивый облик этого масштабного человека. Писатель создавал образ Ленина под влиянием сильных эмоций, вызванных его кончиной. «Писал и — обливался слезами. Так я не горевал даже о Толстом» [8, т. 15, с. 297], — признавался Горький в письме М.Ф. Андреевой.

Воспоминания под заглавием «Владимир Ленин» были впервые напечатаны в мае 1924 г. в первом номере частного, непартийного ленинградского журнала «Русский современник». Редактор этого журнала, старый приятель Горького А.Н. Тихонов обратился к писателю с просьбой написать эти воспоминания уже на следующий день после смерти вождя (см.: [13, с. 297]). Видимо, Горький сразу же ответил телеграммой (не сохранилась), в которой обещал отдать будущий очерк «Русскому современнику». 30 января Тихонов писал Горькому: «Спасибо Вам большое за рукопись об Ильиче. Ждем ее с нетерпением» [13, с. 300]. Получив от писателя очерк 3 марта 1924 г., Тихонов 5 марта телеграммой попросил автора сделать необходимые сокращения «политической части рукописи» [13, с. 302]. Горький пошел навстречу этой просьбе и произвел отдельные сокращения. Однако членов редакции его поправки, видимо, не удовлетворили, и они решили действовать на свой страх и риск.

22 марта Тихонов послал Горькому отредактированный и сокращенный очерк. В сопроводительном письме он попытался оправдаться, приведя веские, на его взгляд, причины, побудившие редакцию к этим сокращениям. Как опытный редактор, Тихонов, хотя он был в эти годы весьма далек от классовой идеологии и официальной партийной политики, сразу понял, насколько созданный Горьким образ вождя не соответствует уже сложившимся официальным канонам его изображения в советском искусстве и литературе, насколько он нецензурен. «Я нисколько не сомневаюсь, — писал Тихонов Горькому, — что, живи Вы здесь, с нами, Вы первый бы предложили изменить статью. Многие, что в ней сказано, звучит здесь, в Москве совсем не так, как предполагает автор. Многие, о чем писано в общем плане, становится здесь конкретным лозунгом, который будет использован совсем не в интересах автора и его целей» [13, с. 303]. Здесь же Тихонов заявил, что публикация очерка о Ленине в его «первозданном» виде грозит журналу большими неприятностями вплоть до его закрытия.

Не располагая ответными письмами Горького Тихонову этого времени, мы не знаем, как отреагировал писатель на подобные самовольные действия. Горький не отказался от печатания очерка «Владимир Ленин» в «Русском современнике». Однако можно предположить, что такое обращение с его рукописью не вызвало у него восторга. Судя по тому, что в 1927 г. очерк был напечатан в двух «горьковских» берлинских изданиях без купюр, внутренне писатель не был согласен с журнальными сокращениями и пошел на них скрепя сердце, связанный обещанием, данным Тихонову.

Внезапная и преждевременная смерть Ленина во многом примирила с ним Горького. Но не могла совсем изгладить из памяти писателя их непримиримые противоречия во взглядах на жизнь и судьбу русского народа, перспективы революции, политику и практику большевистского правления. Эта неоднозначность, двойственность в отношении Горького к личности покойного вождя не могла не отразиться на воспоминаниях о нем, написанных сразу после его смерти. Даже похвалы писателя порой звучат довольно двусмысленно и противоречиво. В самом начале очерка он, например, процитировал следующий отзыв о смерти Ленина в одной из немецких газет: «Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти» [6, с. 229]. А вслед за тем дал собственное впечатление от фигуры вождя, которая одновременно восхищала, удивляла и пугала его: «...он для меня

один из тех праведников, один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Петр Великий, Михайло Ломоносов, Лев Толстой и прочие этого ряда. Я думаю, что такие люди возможны только в России, история и быт которой всегда напоминают мне Содом и Гоморру» [6, с. 229]. А вот как неоднозначно, скорее отрицательно, характеризует Горький ораторское искусство Ленина, его «четкие, ясные слова»: «Они всегда напоминали мне холодный блеск железных стружек» [6, с. 230].

Горький не оставил без внимания такую важную черту характера Ленина, как жестокость. Из первой публикации очерка была изъята фраза «Много говорили и писали о жестокости Ленина», которая сохранилась в тексте 1930 г. [9, т. 20, с. 30]. Но, хотя в первой публикации нет прямых обвинений вождя в жестокости, по сути этот тезис здесь еще более усилен и развернут: «Невозможен вождь, который — в той или иной степени — не был бы тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уот Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди» [6, с. 236]. Как видим, Горький не отрицает тезиса о жестокости и тиранстве вождя русской революции, но одновременно всячески подчеркивает в очерке его нечеловеческую, железную волю в достижении своих целей.

Вторая черта характера Ленина, которую замечает и выделяет автор, — это его склонность к упрощению жизни, к искусственной прямолинейности взгляда на действительность. Отметим попутно, что обе эти черты — и жестокость, и стремление к упрощению жизни — связывают образ Ленина с образом другого вождя, революционера-большевика Якова Зыкова из «Рассказа о необыкновенном», написанного Горьким незадолго до очерка.

Яков Зыков — простой человек, выходец из народных низов. После долгих блужданий по России в поисках своей «правды» он приходит в ряды большевиков, становится красным партизаном, а позже и крупным советским руководителем. Основная идея, главный философский посыл Зыкова — это его убеждение в необходимости упростить жизнь, избавиться от всего «необыкновенного» в ней. Как же относится к подобной философии автор? При внимательном чтении и анализе этого сложно построенного произведения становится очевидным, что горьковская правда о жизни и революции вскрывается в нем не прямо, она не формулируется Зыковым, от

лица которого ведется повествование, но обнаруживается в напряженной внутренней полемике автора со своим героем. В «Рассказе о необыкновенном» Горький вновь, теперь уже в художественной форме, выразил свою тревогу о том, что в ходе революции могут победить косность, анархия и разного рода идеи упрощения жизни, отчего произойдет общее понижение культуры в России, а революция, растеряв по дороге свой творческий потенциал, превратится из социалистической в «казарменную».

В очерке о Ленине неоднократно повторяется мысль о стремлении к «простоте» как основной черте характера вождя революции. «Прост, как правда» [6, с. 232], — говорят о нем окружающие. «Был он прост и прям, как все, что говорилось им» [6, с. 230], — добавляет от себя автор, а через несколько страниц передает слова самого Ильича, подтверждающие эту характеристику: «Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь. Что это упрощение грозит гибелью культуре, а?». «Русской массе, — утверждал далее Ленин, — надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто!» [6, с. 236]. «Может быть, — признает Горький, — Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно и считал ее слишком легко устранимой...» [6, с. 234].

Еще больше связь Ленина с упростителем жизни Яковом Зыковым ощутима в той характеристике, которую дал вождю Горький в упомянутом выше письме Р. Роллану. «Основной недостаток Ленина, — писал он 15 января 1924 г., — это его русская, мужицкая вера в необходимость “упростить” жизнь. Он думал, что этого можно достигнуть механизацией труда и отношений между людьми. Нет сил, нет средств убедить его в том, что “упрощение” неизбежно грозит вызвать в утомленной массе русского мужика не развитие энергии и трудоспособности, а, наоборот, стремление к покою, к психической энтропии, к мертвому равновесию и культурному застою» [8, т. 14, с. 287].

В первой редакции очерка «Владимир Ленин», написанной под непосредственным впечатлением от смерти вождя, Горький сравнивал его со своим любимым героем Данко. «Для меня Ленин, — писал он, — герой легенды, человек, который вырвал из груди своей горящее сердце, чтоб огнем его осветить людям путь от позорного хаоса современности, из гнилого, кровавого болота душной, разлагающейся “государственности”» [6, с. 229]. Однако через несколько месяцев после этого, в том же 1924 г., Горький со-

здал символический рассказ-притчу «Проводник», в котором продолжил художественное осмысление фигуры народного вождя и его роли в судьбе России, создав образ, по сути, противоположный герою своей ранней романтической легенды.

Символично уже само название рассказа «Проводник». В тексте слово «проводник» иногда заменяется еще более сильным определением роли главного героя: «путеводитель». Как бы отталкиваясь от своего раннего произведения о Данко, который, жертвуя собой, выводит людей из темного губительного леса на дорогу к свету, к свободе, Горький создает теперь образ проводника, который, напротив, не зная дороги, заводит своих спутников в непроходимую лесную чащу.

Третья черта, которую всячески подчеркивает Горький в облике и характере Ленина, — это его «русскость», что отнюдь не являлось для писателя однозначно положительной характеристикой человека. В конце первой редакции очерка Горький, например, утверждал: «И был он насквозь русский человек с “хитрецей” Василия Шуйского, с железной волей протопопа Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого» [6, с. 244].

В очерке о Ленине писатель особо выделяет «мужицкие», национально-русские черты характера Ильича: его «простоту», талантливость, хитрость, силу. Но в комплекс этих национальных черт входили и безответственность, недалекость. За эти качества характера, присущие Ленину как носителю русского национального менталитета, Горький многократно критиковал его в своей публицистике революционного времени, в частности, в цикле статей «Несвоевременные мысли». Эти же качества становятся определяющими и в образе «знающего старика Петра» в рассказе «Проводник». Причем и здесь они тоже подаются как национально-русские черты. Это сразу заметили некоторые наиболее чуткие и глубокие почитатели горьковского таланта. Например, С.Н. Сергеев-Ценский, прочитав рассказ, писал Горькому: «Небольшая по размеру вещь производит впечатление значительной вещи; до того в ней много типичного, национально-русского» [9, т. 18, с. 482].

Разумеется, мы далеки от прямолинейного толкования этого символического рассказа как политической притчи, политической аналогии, но все же нельзя не учесть, что Горький, сильно психологически «ушибленный» крово-

пролитными событиями русской революции, в начале 1920-х гг. постоянно обращался своей художественной мыслью к пережитому. И в этом контексте проводник Петр, не знавший дороги и безответственно заведший людей в непроходимую чащу, невольно вызывает в памяти другого «путеводителя» русского народа, революционного вождя, который в 1917 г. призывал своих единомышленников, не думая о последствиях, незамедлительно «ввязаться в драку». Рассказ, как уже говорилось, создавался вскоре после смерти Ленина, и напряженные размышления Горького о вожде и его деле могли найти отражение в эмблематическом подтексте этого произведения.

Сам писатель никогда не рассматривал «Рассказ о необыкновенном», очерк «Владимир Ленин» и рассказ «Проводник» как некий цикл. Однако глубинная связь этих произведений все же прослеживается. Все три написаны почти одновременно, в год смерти Ленина. Их объединяет общая тема — раскрытие характера народного вождя русской революции. Для всех трех характерны общие философско-нравственные мотивы: мотив «упрощения» бесконечно сложного и противоречивого бытия, мотив «жестокости» как обязательной черты революционного вождя и, наконец, мотив его национальной принадлежности, «русскости».

Главная творческая задача, которую поставил перед собой писатель, — нарисовать образ Ленина-человека, человека сложного и противоречивого, со всеми присущими ему положительными и отрицательными чертами характера. Недаром в рукописи воспоминания первоначально так и назывались — «Человек». Горький на протяжении небольшого по объему очерка пять раз называет Ленина Человеком с большой буквы. Однако он нарисовал образ этого Человека согласно своим тогдашним гуманистическим взглядам и творческим установкам. Вот как сам Горький писал в это время о своих художественных предпочтениях и своем особом интересе к «пестрому» русскому национальному характеру:

Я особенно люблю людей недоделанных, не очень «мудрых», немножко сумасшедших, «безумных», люди же «здравомыслящие» мало интересны мне. Не трогает меня человек «законченный», совершенный, как дождевой зонтик. <...>

Человек немножко «безумный» не только более приятен лично мне, но и вообще он более «правдоподобен», более гармонирует с общим тоном

жизни, явлением непонятного, фантастического, что и делает жизнь такой адски интересной [9, т. 18, с. 402].

На несомненную, хотя, на первый взгляд, и странную, даже парадоксальную связь между высказыванием Горького о его особом интересе к человеку неординарному, даже немного «безумному» и образом главного героя очерка «Владимир Ленин» указывает и тот факт, что на полях автографа с вышеупомянутым текстом писатель сделал запись (вероятно, пометку для памяти): «В.И. <Ленин> на Капри» [9, т. 18, с. 539]. Интересно также отметить, что приведенная цитата взята из текста, который был впервые напечатан Горьким в качестве заключения к рассказам «Проводник» и «Мамаша Кемских», появившимся в 1925 г. под общим заголовком «Записки из дневника» в журнале «Молодая гвардия». О глубинной, символической перекличке рассказа «Проводник» с очерком о Ленине мы уже упоминали выше.

Определение «безумный», которое Горький не раз использовал для характеристики вождя русской революции, употреблялось писателем, разумеется, в метафорическом смысле. Оно означало фанатичный, решительный, идущий напролом, сметающий все препятствия на пути к своей цели и т. п. После смерти Ленина, когда в Советской России и во всем мире стало известно о тщательно скрывавшейся большевистской правящей верхушкой тяжелой болезни вождя, о неоднократно поражавших его мозговых ударах (инсультах), приведших к почти полной парализации и не метафорическому, а настоящему, реальному безумию, Горький, конечно, не мог оперировать этим медицинским термином, понимая, что это было бы предательством по отношению к покойному другу. Видимо, именно поэтому слово «безумный» и даже такое излюбленное писателем выражение, как «безумство храбрых», он посчитал недопустимым повторить хотя бы раз в своем посмертном очерке о Ленине.

Послереволюционный горьковский эстетический идеал человека, который нашел своеобразное отражение и в очерке о вожде русской революции, никак не подходил для нарождающейся эстетики советского искусства, с его классовой черно-белой идеологией, духовным примитивизмом и плакатными формами. Большевистская критика приняла созданный Горьким портрет Ленина, мягко говоря, «прохладно». Например, А.З. Лежнев

на страницах журнала «Красная новь» заявил, что, несмотря на множество «интересных подробностей, тонко подмеченных черт», личность Ленина «понята и освещена» Горьким в целом «неверно, фальшиво» [9, т. 20, с. 534]. Руководитель напостовского движения Г.Л. Лелевич также обвинил писателя в «непонимании Ленина и ленинского дела», хотя и признал, что очерк «содержит массу ценного фактического материала» [9, т. 20, с. 534]. Но особенно резкой критике созданный Горьким образ вождя подверг один из самых могущественных в то время руководителей советского государства Л.Д. Троцкий.

7 октября 1924 г. в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» (№ 229) появилась его большая, почти на целую полосу статья, в грубых тонах критикующая очерк Горького о Ленине. Троцкий обвинил писателя в «банальном психологизме и мещанском морализировании» и попытался человеческому облику вождя в очерке Горького противопоставить свою трактовку его личности. Он утверждал, что «Горький наделил Ленина интеллигентской расколотостью и столь высоко почитавшейся в свое время “больной совестью”», чем будто бы «клеветал» на вождя и создавал его «фальшивый» образ.

Жестоко расправляясь с новой попыткой Горького создать литературный портрет вождя революции, Троцкий наверняка помнил о возмущенной реакции Ленина на юбилейную статью писателя 1920 г., напечатанную в журнале «Коммунистический интернационал». Ведь Троцкий как член Политбюро ЦК ВКП(б) сам принимал, в числе других, постановление, запрещающее Горькому печататься в этом журнале. А если присмотреться внимательно, то можно легко обнаружить в новом очерке Горького «следы» этой скандальной статьи (например, вместо прежнего признания Ленина «святым» в очерке 1924 г. он назван «праведником» и «чудотворцем»).

Отзыв Троцкого вызвал у Горького негодование. Ознакомившись с ним, он записал «для себя»: «Суждения Льва Троцкого по поводу моих воспоминаний о Ленине написаны хамовато по моему адресу и с неожиданным для меня цинизмом демагога. <...> Не хочет ли Троцкий, рисуя Ленина таким топором, таким “революционером без оглядки”, взвалить именно на него всю тяжесть ответственности пред историей за “разбитые горшки”? <...> Троцкий — наиболее чужой человек русскому народу и русской истории» [9, т. 20, с. 535].

Напротив, некоторые из сочувствующих Горькому литераторов русского зарубежья высоко оценили «неканоничность» созданного им образа вождя. Например, в рецензии на первый номер «Русского современника» М. Осоргин особо выделил статью Горького, которая, по мнению автора, не идет ни в какое сравнение «с ворохом официальных характеристик» в «казенных периодических изданиях» [12, с. 551].

Разумеется, горьковский «неканонический» образ вождя, с самого его появления встреченный «в штывы» официальной партийной критикой, с течением времени стал для большевистских властей абсолютно неприемлемым. К концу 1920-х гг. в массовом сознании советских людей уже сложился вполне определенный образ Ленина — железного вождя революции, великого кормчего, сверхчеловека без слабостей и недостатков, образ, в котором оставалось все меньше человеческого. В этих условиях тиражировать в СССР воспоминания Горького о Ленине 1924 г. было просто невозможно, политически опасно. Поэтому партийное руководство Госиздата, когда в 1928 г. начало выходить юбилейное (в связи с 60-летием писателя) 23-томное собрание сочинений Горького, потребовало от автора существенно «подкорректировать» созданный им литературный портрет вождя, по возможности избавить его от живых человеческих черт, которые разрушали сложившийся в массовом сознании цельный монолитный образ.

Подробно, с привлечением новых архивных материалов обо всех перипетиях работы Горького над текстом очерка о Ленине 1930 г. написала И.А. Бочарова в статье «К истории создания второй редакции очерка М. Горького “В.И. Ленин”» [3]. Нам остается вслед за этой исследовательницей констатировать, что Горький пошел в данном случае на уступки и согласился почти со всеми сокращениями и изменениями текста, о которых его просил заведующий Госиздатом А.Б. Халатов. Интересно при этом отметить: Халатов в своем письме адресату от 27 марта 1930 г. просил избавить образ Ленина от тех самых черт его характера и мировоззрения, которые Горький выделил как основополагающие в духовном облике вождя: от его «русскости», «гордости Россией и русскими», а также от его стремления к упрощению жизни и от его «праведности». «Несвоевременными» назвал Халатов и откровенные признания Горького в том, что он «очень сомнительный марксист» и «расходится с коммунистами» по основным вопросам [3, с. 136].

В результате этих исправлений, которые были произведены частично самим автором под нажимом Халатова, частично работниками Госиздата, образ Ленина был избавлен от «идеалистически-романтических» черт и получил большую цельность. Горький до минимума сократил в характеристике Ленина определение «русский», убрал сравнение с Данко, вычеркнул место, где Ленин был назван «праведником» и т. д. Как уже говорилось, в первой редакции очерка определение Человек с большой буквы встречается по отношению к Ленину пять раз, во второй оно сократилось до одного.

Если в первой редакции очерка Горький попытался нарисовать сложный, противоречивый облик железного вождя революции и одновременно русского интеллигента, не чуждого человеческих чувств и эмоций, то во второй редакции писатель, видимо, задался целью создать литературный памятник великому человеку, «вдохновителю и вождю пролетариев всех стран» [9, т. 20, с. 31], последовательно избавляя эту бронзовеющую на глазах фигуру от наиболее противоречивых черт характера.

Первая редакция очерка «Владимир Ленин» написана тем же методом прихотливого монтажа разрозненных, разнесенных по времени фрагментов воспоминаний, дневниковых записей, портретных характеристик и лирических авторских размышлений, каким несколько ранее были написаны знаменитые воспоминания Горького о Л.Н. Толстом, а также произведения, вошедшие в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924). Все эти небольшие фрагменты текста, как древняя церковная мозаика, складываются в целостный образ благодаря авторскому мастерству. Этот прием, словно позаимствованный у старых мастеров, позволил Горькому создать особенно выразительные, многогранные и многокрасочные, яркие и выпуклые образы своих великих современников. При первой публикации очерка о Ленине в 1924 г. в журнале «Русский современник» отдельные фрагменты текста были даже графически отделены друг от друга чертой. В 1930 г. Горький постарался тщательно «заделать», «загрунтовать» все «стыки» и «швы» между отдельными фрагментами этой словесной мозаичной структуры, превращая золотую мозаику в монументальную фреску.

Ленин в сознании писателя и в 1930-е гг. продолжал оставаться идеалом Человека с большой буквы, но сам этот идеал Горькому пришлось «подкорректировать» согласно требованиям времени и политической обстановки.

Список литературы

- 1 Амфитеатров А. Горестные заметы. X. // Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1921. № 233. 11 окт.
- 2 Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
- 3 Бочарова И.А. К истории создания второй редакции очерка М. Горького «В.И. Ленин» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 135–147.
- 4 Бунин И.А. Записная книжка // И.А. Бунин. Публицистика 1918–1953 годов. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 107–110.
- 5 Горький в журнале «Коммунистический интернационал» / вступ. ст., послесловие, подгот. текста и примеч. Л.Н. Смирновой // Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007. М. Горький. Материалы и исследования: Вып. 8. С. 252–399.
- 6 Горький М. Владимир Ленин // Русский современник. 1924. Кн. 1. С. 229–244.
- 7 Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Сов. писатель, 1990. 394 с.
- 8 Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2019.
- 9 Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
- 10 Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1956.
- 11 Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1975.
- 12 М. Осоргин о Горьком / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Бочаровой // Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007. М. Горький. Материалы и исследования: Вып. 8. С. 540–559.
- 13 Письма А.Н. Тихонова М. Горькому 1923–1925 гг. (Из истории журнала «Русский современник») / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.Н. Примочкиной // Горький. Неизвестные страницы истории. М.: ИМЛИ РАН, 2014. М. Горький. Материалы и исследования: Вып. 12. С. 266–337.
- 14 Спиридонова Л.А. Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2009. М. Горький. Материалы и исследования: Вып. 9. С. 9–40.

References

- 1 Amfiteatrov A. Gorestnye zamety. X. [Sad notes. X]. *Novaia russkaia zhizn'*, (Gel'singfors), 1921, no 233, 11 okt. (In Russ.)
- 2 Berberova N. *Kursiv moi: Avtobiografiia* [Italics are mine: Autobiography]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 734 p. (In Russ.)
- 3 Bocharova I. A. K istorii sozdaniia vtoroi redaktsii ocherka M. Gor'kogo "V.I. Lenin" [To the history of the second edition of Gorky's essay "V.I. Lenin"]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia*

- [Textological annual. Russian literature of the 20th century: Questions of textual criticism and source studies]. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, book 2, pp. 135–147. (In Russ.)
- 4 Bunin I.A. Zapisnaia knizhka [Notebook]. I.A. Bunin. *Publitsistika 1918–1953 godov* [I.A. Bunin. Essays, 1918–1953]. Moscow, IWL RAS, “Nasledie” Publ., 2000, pp. 107–110. (In Russ.)
  - 5 Gor’kii v zhurnale “Kommunisticheskii internatsional” [Gorky in the magazine *Communist international*], introd., with a preface and comments by L.N. Smirnova. *Publitsistika M. Gor’kogo v kontekste istorii* [Essays by Maxim Gorky in historical context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, M. Gor’kii. Materialy i issledovaniia [Maxim Gorky. Materials and studies], issue 8, pp. 252–399. (In Russ.)
  - 6 Gor’ky M. Vladimir Lenin [Vladimir Lenin]. *Russkii sovremennik*, 1924, book 1, pp. 229–244. (In Russ.)
  - 7 Gor’ky M. *Nesvoevremennnye mysli. Zametki o revoliutsii i kul’ture* [Untimely thoughts. Notes about revolution and culture]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990. 394 p. (In Russ.)
  - 8 Gor’ky M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis’ma: v 24 t.* [Complete works. Letters: in 24 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2019. (In Russ.)
  - 9 Gor’ky M. *Polnoe sobranie sochinenii. Khudozhestvennye proizvedeniia: v 25 t.* [Complete works. Fiction: in 25 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1968–1976. (In Russ.)
  - 10 Gor’ky M. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1949–1956. (In Russ.)
  - 11 Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.* [Complete works: in 55 vols.] 5nd ed. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury Publ., 1975. (In Russ.)
  - 12 M. Osorgin o Gor’kom [M. Osorgin on Gorky], introd., with notes, preparation of the text by I.A. Bocharova. *Publitsistika M. Gor’kogo v kontekste istorii* [Essays by Maxim Gorky in historical context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, M. Gor’kii. Materialy i issledovaniia [M. Gorky. Materials and studies], issue 8, pp. 540–559. (In Russ.)
  - 13 Pis’ma A.N. Tikhonova M. Gor’komu 1923–1925 gg. (Iz istorii zhurnala “Russkii sovremennik”) [Letters of A.N. Tikhonov to M. Gorky, 1923–1925 (From the history of the magazine *Russian Contemporary*), introd. and comments by N.N. Primochkina. *Gor’kii. Neizvestnye stranitsy istorii* [Gorky. Unknown pages of history]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, M. Gor’kii. Materialy i issledovaniia [M. Gorky. Materials and studies], issue 12, pp. 266–337. (In Russ.)
  - 14 Spiridonova L.A. Kontsepsiia lichnosti v sisteme filosofsko-esteticheskikh vzgliadov M. Gor’kogo [The Concept of personality in the system of philosophical and aesthetic views of Maxim Gorky]. *Kontsepsiia mira i cheloveka v tvorchestve M. Gor’kogo* [Conception of the world and man in the work of M. Gorky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, M. Gor’kii. Materialy i issledovaniia [M. Gorky. Materials and studies], issue 9, pp. 9–40. (In Russ.)